

НОВАЯ ГЛАВА

Советская Эстрада
Г. Таллин

29 СЕН 1978

КОРРЕСПОНДЕНТ. Сразу же по возвращении театра из Москвы наша газета в общих чертах уже информировала читателей о том, что гастролью проходили при самой благоприятной реакции зрителей и предельном внимании театральной общест-

венности. Бесспорно, это же внимание, интерес к жизни таллинского театра проявились в обзорных рецензиях, опубликованных в газетах «Правда», «Советская культура» на обсуждениях, состоявшемся в Министерстве культуры СССР. Ваш коллектив по праву может гордиться тем, что видные театральные деятели и критики столицы дали лестную оценку творческому потенциалу труппы. Но в рецензиях, на обсуждении прозвучали и серьезные критические замечания. Сейчас очень важно, какие выводы будут сделаны по общей сумме впечатлений вами, художественным руководителем театра. Так каковы же выводы?

В. ЧЕРМЕНЕВ. По общей сумме впечатлений? По-видимому, потребуется еще много времени на то, чтобы сознание «переварило» бурный поток поглощенной информации. Но уже сегодня могу сказать: успех у зрителей, похвальные слова критиков в адрес актеров нас окрылили, расширили представленные о возможностях труппы. А критические замечания еще долго будут служить пищей для серьезных раздумий. Для меня лично это скорее не критические замечания, а ценные советы, определяющие главное направление дальнейших поисков. Неспроста же, заключая обсуждение гастрольных спектаклей, начальник Управления театров Министерства культуры СССР Михаил Лавренович Чаусов говорил: «Конечно, не со всем, что здесь говорилось, вы согласитесь. Но постарайтесь понять, почему что-то не принято, что-то не принято». (Цитирую точно по стенограмме). Закрепить и развить положительные тенденции, найти корни просчетов — это сейчас задача номер один.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Признавая яркую театральность режиссуры, плодотворность поисков формы, критики тем не менее отмечают недостаточную глубину прочтения драматургического материала. Эти замечания представляются особенно огорчительными. Наверное потому, что часто бывая на ваших репетициях, не раз имела возможность убедиться: здесь идет, как это называет Анатолий Васильевич Эфрос, «извлечение смысла». А потому созданное кропотливой работой режиссерской мысли вами же разрушается неуемным стремлением найти динамику, усилить яркость. Словом, лично мне кажется, что ваш творческий темперамент противостоит столь важному для режиссера умению остановиться, оглянуться.

В. ЧЕРМЕНЕВ. Думаете, всему виной темперамент? А вам не приходило в голову, что у меня (увы!) не хватает времени на то, чтобы остановиться, оглянуться. Девять спектаклей в год — это план. Он должен выполняться. А режиссеров в театре — два. Главный и очередной.

КОРРЕСПОНДЕНТ. В свое время вы собирались пригла-

Открытие нового сезона в любом театре — всегда событие значительное, как бы открывающее новую главу книги творческой жизни коллектива.

Для Государственного русского драматического театра ЭССР, раскрывающего сегодня вновь двери перед зрителями, это событие имеет еще и свои особо важные приметы. Во-первых, коллектив только-только вернулся с трудного экзамена, закончив отчетные гастрольные поездки. Во-вторых, именно в этом сезоне будет отмечаться 30-летие театра. И это тоже нелегкий экзамен на прочность творческих накоплений.

Итак, разговор об экзаменах. Диалог ведут наш корреспондент С. СТАВИЦКАЯ и главный режиссер ГРДТ заслуженный деятель искусств ЭССР В. ЧЕРМЕНЕВ.

шать на отдельные постановки режиссеров из других городов, театров. Почему бы не реализовать эту идею?

В. ЧЕРМЕНЕВ. Приглашать имеет смысл только таких режиссеров, работа с которыми стала бы для актеров школой, дала зрителю яркие, самобытные спектакли. А такие корифеи режиссуры никогда не согласятся на наши сжатые сроки выпуска. Вот в прошлом году мы пригласили на постановку «Милого лжеца» Андрея Тарковского. Что из этого получилось? Срочные московские дела то и дело отрывали его от работы, репетиционный процесс останавливался, затягивался. В конце концов обстоятельство вынудило его передоверить всю работу своему ассистенту. Впрочем, и вопросу о приглашении режиссеров на постановку еще вернемся, но все равно главные задачи надо решать, мобилизуя собственные силы.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Но где же тогда выход? У вас на длительные раздумья времени не хватает, других режиссеров пока не приглашаете. Быть может, тогда имеет смысл, не полагаясь всецело и во всем на себя, более чутко, более внимательно прислушиваться к замечаниям и советам своих же актеров, художественного совета, критиков?

В. ЧЕРМЕНЕВ. Мне казалось до сих пор, что я достаточно внимателен к такому рода замечаниям. Может стать, что только казалось. Постараюсь контролировать себя. Но, с другой стороны, вы ведь должны понимать: если я начну прислушиваться ко всем замечаниям, спектакль не выстроится, режиссерский замысел воплощен не будет.

КОРРЕСПОНДЕНТ. Зачем же так? Добивайтесь выполнения своего замысла. Но вы ведь сами говорите: спешка, спешка, спешка. Так, может, именно поэтому стоит порой взглянуть на свою работу чужим компетентным оком. Хотя бы, скажем, глазами критиков.

В. ЧЕРМЕНЕВ. Сложный это спор. В конечном счете, театральный критик — тоже зритель. Пусть более подготовленный, искушенный, точно чувствующий природу театра. Но все равно у него есть свои пристрастия, приверженность к тем или другим направлениям театрального искусства. Если его пристрастия совпадут с моими — спектакль понравится, не совпадут — возникнет неприятие.

КОРРЕСПОНДЕНТ. То, что я бы назвала индивидуально-

стью восприятия, а вы называете пристрастиями, бесспорно, распространяется и на театральные критиков. Но чаще всего споры возникают по поводу чисто постановочных средств. А если вернуться к рецензиям московских критиков, то в них главным образом речь шла о другом: смысловом решении спектаклей. Здесь уж личные вкусы и пристрастия вовсе ни при чем.

В. ЧЕРМЕНЕВ. Да, с этим спорить трудно. К тому, что уже было сказано по поводу обсуждения спектаклей, рецензий в «Правде» и «Советской культуре», могу добавить только одно: гастроль в Москве была для всего коллектива и для меня лично не только экзаменом, но и школой, если хотите «курсами повышения квалификации».

КОРРЕСПОНДЕНТ. А впереди — новый экзамен? Нынешний сезон должен ведь пройти под знаком самой высокой оценок. Так о чем же театр в год своего 30-летия намерен говорить со зрителем, что станет главным в репертуаре?

В. ЧЕРМЕНЕВ. Пока могу говорить только о самых ближайших планах, назвать спектакли, уже стоящие «на конвейере». Это «Нельская башня» А. Дюма (премьеры состоится завтра), «Мои надежды» М. Шатрова, «Стеклянный зверинец» Т. Уильямса. А дальше будем формировать новый репертуар, опять же с учетом замечаний, сделанных в Москве. По репертуару, впрочем, была одна только, но зато очень серьезная претензия — отсутствие в афише русской классики. Теперь идет в этом направлении серьезный поиск. Можно бы, конечно, взять любое из многих прекрасных произведений, написанных великими русскими художниками. Но это было бы чисто формальным выполнением долга. Хочется выбрать такую пьесу, которая близка нашим творческим возможностям, созвучна нашему настрою. Подумываем о «Царе Федоре» А. Толстого. А может быть, «Живой труп» Льва Николаевича Толстого. Не исключено, что обратимся к Чехову. Словом, решение пока не созрело. И во всем остальном наши дальнейшие планы — это уже разговор не сегодняшнего дня. А сегодня мне только хотелось бы через газету обратиться к зрителям, сказать им: «Здравствуйте, дорогие друзья. Ждем вас на площади Победы, 5, в зале Государственного русского драматического театра ЭССР».